

Викентий Вересаев

**Выдуманные рассказы
(сборник)**

Викентий Викентьевич Вересаев

Выдуманные рассказы (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311272

Аннотация

«В газетах появились огромные объявления. Иллюстрированный, еженедельник „Окно в будущее“ сообщал читателям сенсационную новинку: в бумагах, оставшихся после Льва Толстого, найдена рукописная, совершенно отделанная глава из „Анны Карениной“; глава только по ряду совершенно случайных причин не была включена Толстым в роман. Сообщалось, что глава эта, доселе нигде еще не напечатанная, целиком появится в ближайшем номере журнала „Окно в будущее“...»

Содержание

Неопубликованная глава	4
Зеленая лошадь	7
Юбилей	12
Концерт	14

Викентий Вересаев

Выдуманные рассказы

Неопубликованная глава

В газетах появились огромные объявления. Иллюстрированный, еженедельник «Окно в будущее» сообщал читателям сенсационную новинку: в бумагах, оставшихся после Льва Толстого, найдена рукописная, совершенно отделанная глава из «Анны Карениной»; глава только по ряду совершенно случайных причин не была включена Толстым в роман. Сообщалось, что глава эта, доселе нигде еще не напечатанная, целиком появится в ближайшем номере журнала «Окно в будущее».

И правда, появилась целая глава. Яркая, сильная, являвшаяся поистине вершину толстовского творчества. Описывался сенокос.

«Бабы, с граблями на плечах, блестя яркими цветами и треща звонкими, веселыми голосами, шли позади возов. Один грубый, дикий бабий голос затянул песню и допел ее до повторения, и дружно, враз, подхватили опять сначала ту же песню полсотни разных, грубых и тонких, здоровых голосов. Бабы с песнью приближались к Левину, и ему казалось, что туча с громом веселья надвигается на него. Туча надвину-

лась, захватила его, и копны, и воза, и весь луг с дальним полем – все заходило и заколыхалось под размеры этой дикой развеселой песни с вскриками, присвистами и еканьями».

Чувствовался и запах свежего сена, и напоенный солнцем воздух, и бодрая радость здорового труда. Невольно хотелось вздохнуть поглубже, весело улыбаться.

Успех был огромный. Весь полумиллионный тираж номера разошелся целиком; припечатали еще двести тысяч, и те разошлись целиком.

Номер стоил двадцать копеек, – за двадцать копеек читатель получил высочайшее наслаждение, за которое не жалко было бы заплатить даже рубль.

Все были очень довольны.

И вдруг... вдруг в газетах появились негодующие письма знатоков литературы.

Знатоки сообщили, что якобы до сих пор не опубликованная глава эта неизменно печатается во всех изданиях «Анны Карениной», начиная с первого появления романа в журнале «Русский вестник», и в любом из изданий читатель может прочесть эту главу.

Негодование и возмущение было всеобщее. Да не может быть! Дойти до такого надувательства!

Но справились: верно. Слово в слово. Стоило платить двадцать копеек!

И тогда всем показалось, что они никакого удовольствия от прочитанного не испытали и только даром затратили дву-

гривенный.

Зеленая лошадь

Шел съезд коневодов.

На трибуну поднялся щуплый паренек невысокого роста, с густыми, всклокоченными волосами, с озорными глазами, и заговорил пронзительным голосом:

– Вот уж несколько дней вы болтаете о различных породах лошадей...

Председатель строго прервал:

– Здесь не болтают. Здесь серьезно дискутируют.

– Я извиняюсь. Вот уж несколько дней вы «серьезно дискутируете» о различных породах лошадей – о свиноподобных першеронах, об английских скаковых стрекозах, трянули даже заплесневелую старушкой – арабской лошастью. Все это – никчемная болтовня... Извиняюсь: никчемная «серьезная дискуссия». Вы не придете ни к чему путному, пока не впустите себе в мозги простой и совершенно очевидной истины: единственная порода, которая способна вполне удовлетворить всем требованиям, предъявляемым к лошади нашею современностью, это – зеленая лошадь.

– Какая?

– Зеленая.

– Зеленая?!

– Изумрудно-зеленая лошадь.

– Ха-ха-ха!

– Да! Зеленая лошадь с апельсинно-оранжевым хвостом.

Председатель еще строже сказал:

– Здесь обсуждаются серьезные вопросы, и шутки ваши совершенно неуместны.

– Я не шучу. Я именно самым серьезным образом...

Шум, гам, смех не дали ему закончить.

– Довольно!

– Долой!

Оратор несколько раз пытался продолжать, но ему не дали. Он презрительно оглядел шумевших и гордо сошел с трибуны.

В следующее заседание он опять появился на трибуне – такой же гордый и боевой.

– Пока вы серьезно не поставите вопроса о зеленой лошади...

– Да вы видали когда-нибудь зеленую лошадь?

– Нет, не видал.

– О чем же тут говорить?

– Когда Гальвани и Вольт исследовали такое как будто пустяковое, только курьезное явление природы, как электричество, видали ли они телеграф, телефон, электрическое освещение?

Это было так глупо, что оставалось только развести руками. Седовласый член, знаменитый коневод, с тонкой иронической усмешечкой неопровержимо доказал в своей речи, – во-первых: что нет никаких оснований ждать, чтобы мы мог-

ли каким-нибудь путем вывести породу зеленых лошадей, так как не существует никаких животных с зеленою шерстью; во-вторых: совершенно непонятно, почему лошадь, раз у нее будет зеленая шерсть, окажется в каком бы то ни было отношении выше лошадей существующих пород.

Все смеялись и говорили:

– Правильно!

Молодой человек ринулся на кафедру.

– Не существует животных с зеленою шерстью! А скажите вы, ученая древность, – разве оперение птиц генетически не то же самое, что волосной покров животных? В запыленные свои очки вы смотрите только на лошадей. Вы не способны поглядеть вокруг глубже. Тогда бы вы увидели, – ну, например, хоть зеленого попугая. Не ученого попугая людской породы – это попугаи цвета самого неопределенного! – а настоящего ярко-изумрудного новогвинейского попугая-самца!

В следующее заседание он опять стоял на кафедре и опять говорил о зеленой лошади. Сумасшедший? Нет, глаза смотрели твердо и сознательно. Хохот катался по зале. Скрестив руки на груди, оратор стойко переждал шум и продолжал:

– Великие художники в пророческом вдохновении высоко поднимаются над путающимися в их ногах людишками и указывают им на невозможные идеалы, которые, однако, блистательно осуществляются в будущем. И вот посмотрите: на всех знаменитых бронзовых конных статуях лошади – зеленые.

– Да ведь и люди на них зеленые!

– Да, и люди. Не мешало бы и людям стать хоть немножко зелеными!

Это было уже не смешно, не глупо, а просто нагло. Аудитория дружно потребовала от председателя лишить оратора слова. Председатель предложил ему покинуть трибуну. Но оратор отказался. Усовещивали, убеждали, – он заявил, что не сойдет, пока не доскажет, что хотел сказать. Ничего не оставалось, как насильно удалить его. Сторожа потащили оратора к выходу. Он громовым голосом протестовал против насилия, поминал Галилея, Джордано Бруно. Некоторые из членов недовольно морщились и говорили, что нельзя же все-таки стеснять свободу прений.

С тех пор не проходило съезда, не проходило заседания ученого общества, где бы не появлялась на трибуне маленькая фигурка пропагандиста зеленой лошади. Он был великолепен: скрестив руки на груди, стоял под бурей криков и смеха, ждал с насмешливой улыбкой три, пять, десять минут и начинал говорить о зеленой лошади. Постепенно стали появляться приверженцы его учения, – восторженные и непримиримые. Их становилось все больше. Теперь, когда их вождь появлялся на трибуне, смех, шум и возгласы негодования мешались с бурными аплодисментами.

По-прежнему спрашивали:

– Да видал ли кто когда-нибудь вашу зеленую лошадь?

Но теперь со всех концов зала раздавались:

– Старо!

– Старо, старо!

– Придумали бы что-нибудь поновее!

Один за другим на трибуну всходили ораторы и громили заскорузлую отсталость жрецов официальной науки.

В городе стоит большое, красивое здание. На нем вывеска:

Институт зеленой лошади

Директором института состоит, конечно, он, инициатор всего дела. Под его руководством штат научных сотрудников с энтузиазмом работает над разрешением проблемы о зеленой лошади.

Юбилей

Слонялся по залам клуба подвыпивший господин. Зашел в один зал: длинный стол, уставленный яствами и винами, цветы, сидят люди; речи какие-то, звон стаканов. Девица у дверей куда-то отлучилась, и господин прошел беспрепятственно. Одно место с прибором оказалось свободным. Сел. Сладким потоком лились речи.

– Скажите, пожалуйста, по какому случаю собрание?

Сосед удивленно поглядел:

– Банкет.

– В честь кого?

– В честь Ивана Ивановича Иванова. Сорокалетний юбилей.

– Юби... Ю... Ю... Юбилетный сорокалей?... Он что, кажется, ранний сорт помидоров вывел?

– Что вы! Писатель он.

– Пи-са-тель?... Как его звать-то?

– Иван Иванович.

– Господин председатель, прошу слова... Дорогой Иван Иванович! Рад приветствовать вас с сорокалетием вашего славного служения русскому слову! Мы все выросли на ваших произведениях, мы все учились на них правде, добру и красоте.

Гром рукоплесканий, крики:

– Правильно!

– Вы всегда высоко держали знамя, вы всегда были верны завету великого нашего поэта:

Сейте разумное, доброе, вечное!

Сейте! Спасибо вам скажет сердечное

Русский народ!

Я думаю, что выражу единодушное мнение всех здесь присутствующих, если скажут позвольте мне от лица русского народа отвесить вам низкий поклон...

Рукоплескания долго мешали оратору продолжать. Раздавались крики:

– Правильно! Вы выразили общее наше мнение! Bravo!

– ...отвесить вам, дорогой Иван Иванович, низкий поклон и сказать: спасибо вам! Разводите и впредь помидоры с таким же успехом, как разводили до сих пор, и пусть еще немало скороспелых сортов этого полезного овоща перейдет в потомство с вашим славным именем... Ур-ра!!

Концерт

В городе Пыльске, проездом из Крыма в Москву, застряли после свадебной поездки супруги Кимберовский и Черноморова. Он – хорист московского Большого театра, она – статистка Художественного театра. Оба очень милые люди. Но слишком уж они повеселились в Крыму. И вот целую неделю сидели в Пыльске, в гостиницу не платили и были в таком же положении, как Хлестаков до переезда к городничему. И так же увидели они, как в столовой гостиницы какой-то коротенький человек ел семгу и еще много кой-чего. Разговорились. Коротенький человек узнал об их безвыходном положении и удивился:

– Артист Большого театра... Артистка Художественного театра... Это же капитал! Дайте здесь концерт, в чем дело?

– Кто же пойдет? Кому мы известны? Да и кто возьмется устроить?

– Устроить возьмусь я. А пойдет весь Пыльск, если умело взяться за дело.

Он поманил официанта и предложил изумленным супругам выбрать себе по меню обед. И заказал.

Отхлебывая из стаканчика малагу, коротенький человек говорил:

– Я не благотворитель, не меценат. Я по духу человек коммерческий. И сделаем мы так, если вы на это согласитесь. Я

беру на себя все расходы по устройству вечера. А чистый доход разделим пополам. И еще вот что: двоим вам будет трудно заполнить весь вечер. Моя жена – прекрасная пианистка. Она, я надеюсь, не откажется принять участие в концерте. Давайте-ка обсудим программу. Это дело серьезное.

Сытые и счастливые супруги воротились в свой номеришко.

На домовых стенах и заборах города Пыльска появились большие, яркие афиши. В них сообщалось, что такого-то числа сего года в местном городском театре состоится

КОНЦЕРТ МОСКОВСКИХ АРТИСТОВ

Артист московского Большого театра Аркадий Александрович Кимберовский исполнит арию Ленского из «Евгения Онегина», песню индийского гостя из оперы «Садко», арию герцога из «Риголетто» и другие популярнейшие арии.

Артистка московского Художественного театра Зинаида Николаевна Черноморова исполнит монолог Нины Заречной из пьесы Антона Чехова «Чайка» («Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...»), монолог Сони из «Дяди Вани» («Мы отдохнем!.. Мы увидим все небо в алмазах...») и другие монологи из репертуара Художественного театра.

Кроме того, местная пианистка-любительница Раиса Борисовна Славущкая исполнит несколько ноктюрнов

Шопена, «Времена года» Чайковского и др.

Внизу афиши, как обычно, была помещена расценка мест, а под нею, не особенно бросаясь в глаза, но довольно четко, еще одна строчка:

Билеты в продажу не поступают.

Вскоре после расклейки афиш у кассы городского театра стали появляться люди. Окошечко кассы было наглухо закрыто, однако за ним слышался людской говор. Подошел прилично одетый человек, робко постучался в окошечко кассы. Окошечко открылось, нетерпеливый голос спросил:

– Что надо?

– Я извиняюсь... Нельзя ли получить билетики на концерт московских артистов?

– Ах ты господи! Вот народ!.. Ведь русским же языком напечатано в афишах: «Билеты в продажу не поступают».

– Мне всего парочку.

– Да поймите же, я не имею права продавать!.. Впрочем... Погодите минутку... – Кассир долго изучал билетные тетрадки, вздыхал; наконец сказал: – Могу вам предложить пару билетиков во втором ряду, по пять рублей билет.

– Пожалуйста!

Гражданин радостно заплатил деньги, и кассир неохотно отрезал ему два билета.

Потом явился решительный гражданин мрачного вида и властно постучал в окошечко.

– Что надо?

– От профсоюза коммунального хозяйства. Десять билетов.

– Билеты в продажу не поступают.

– Меня это мало интересует. Для профсоюза билеты должны найтись.

Долго препирались, но в конце концов мрачный гражданин ушел победителем, отвоевав даже пятнадцать билетов вместо десяти, и гордо сказал своему спутнику:

– Я всегда сумею добыть! Не на таковского напали!

К кассе подходили все новые покупатели – и от профсоюзов, и от школ, и отдельные лица. Споры и препирательства у кассы становились все жесточе, получить билеты с каждым часом становилось все труднее. Кассир плачущим голосом умолял оставить его в покое, взывал к сознательности граждан.

В один день все билеты были проданы. Концерт прошел с аншлагом. Как прошел – это другой вопрос, до дела не относящийся. Молодые супруги получили свою часть, расплатились с гостиницей, весело и обильно поужинали с устройтелем концерта и укатили в Москву.